

УДК 81'1

ИНТЕРТЕКСТЕМА КАК ИНСТРУМЕНТ
В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
«ПРОШЛОЕ — НАСТОЯЩЕЕ — БУДУЩЕЕ»
В УРБАНИСТИЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ
(ИНТЕРСЕМИОТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГОРОДСКИХ НАДПИСЕЙ
ГДАНЬСКА И КАЛИНИНГРАДА)

Ж. Р. Сладкевич^{1,2}, К. Велондек¹

¹ Гданьский университет

80-308, Польша, Гданьск, ул. Вита Ствоша, 51

² Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236016, Россия, Калининград, ул. Александра Невского, 14

Поступила в редакцию 15.08.2019 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2020-1-4

Рассмотрены интертекстуальные и интервизуальные инструменты в креации диалогической оси «прошлое – настоящее – будущее» в урбанистических практиках на примере городских надписей Гданьска и Калининграда. Авторы описывают городское пространство как объект изучения, дефинируют городскую надпись и характеризуют ее семиотическую природу, анализируют терминологию, связанную с категорией интертекстуальности, и широко толкуют интертекстему в качестве инструмента диалогического пространства «прошлое – настоящее – будущее» в урбанистической наррации. Исследование проиллюстрировано богатым эмпирическим материалом. Изучив специфику смыслообразования в нарративных городских практиках, авторы приходят к выводу о том, что городскую надпись можно определить как символически организованное пространство, в котором интерпретатор имеет дело со знаками различных семиотических систем, оперирует культурными смыслами и конвенциями, заданными в словесной и графической форме. Узнаваемость интертекстом в аутентичном и трансформированном виде усиливает аттрактивность городского текста и его диалогичный характер.

Ключевые слова: интертекстуальность, городская надпись, граффити, темпоральная ось, городское пространство.

1. Городское пространство как объект изучения

В силу заметно обозначившихся динамичных процессов расширения и преобразования городского коммуникативного пространства в последние десятилетия активно развивается популярное направление современных гуманитарных исследований – урбанистика, *urban studies*, изучение языка города и его текстов (см.: Глазычев, 2008; Зарубина, 2018;

Chudzik, 2005; Szalewska, 2017). В фокусе интереса лингвистов находятся не только контекстообусловленные аспекты смыслообразования¹, интенциональность урбанистической коммуникации, но и «многоголосая натура языка» (Бахтин, 1986), что выражается в исследовании полифонического характера текстуализации в городском пространстве. Трехмерная парадигма анализа дискурсивных практик, предложенная Норманом Фэркло (Fairclough, 1995, p. 98) и углубленная его последователями (Wang, Liu, 2015, p. 3), акцентирует необходимость изучения смыслообразования в социальных практиках с учетом таких параметров, как интердискурсивность, интертекстуальность, транзитивность (степень соотношения между текстом, социальной практикой, иллюстрируемой этим текстом, и его адресатом)².

Исходным понятием для большинства трудов, посвященных городу, выступает «пространство», семантика которого многомерна: «Пространство – это абстрактная идея (математическая), свойство материи (физическая). Это также природная среда, образованная особым образом в ходе эволюции (природная, географическая), [которая] в конечном итоге представляет собой человеческое, антропогенное, культурное и социальное творение, т.е. она создана отдельными людьми, группами и сообществами (социальная, культурная)»³ (Jałowicki, 2002, s. 301). В гуманитарных исследованиях город описывается не с точки зрения его физических или математических свойств (высоты, длины и ширины), которые можно точно измерить, а как пространство жизнедеятельности человека и место его творения: «Человек становится создателем пространства, в котором он живет, которое осваивает, разделяет и в котором он взаимодействует. Таким образом, мы рассматриваем пространство как произведение и арену человеческой жизни. Особо важен культурный аспект, то есть значения, качества и ценности, которые люди разных культур придают пространству»⁴ (Cobel-Tokarska, 2011, s. 46).

В рамках социологии и антропологии пространства, энвайронментальной психологии (психологии среды) и других смежных субдисциплин исследователи используют ряд терминов, описывающих различные аспекты пространственных отношений, ключевыми из которых

¹ Понимание дискурса как «связного текста в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами», как «речи, погруженной в жизнь» (Арутюнова, 1990, с. 136–137) отражает глобальную языковедческую перспективу – анализ процесса порождения текста в корреляции с широко понимаемым контекстом.

² См. об этом подробнее: (Сладкевич, 2019).

³ В оригинале: «Przestrzeń jest abstrakcyjną ideą (matematyczna), własnością materii (fizyczna). Środowiskiem naturalnym, wykształconym w określony sposób w toku ewolucji (przyrodnicza, geograficzna), jest wreszcie tworem ludzkim, antropogenicznym, kulturowym i społecznym, a więc wytworzonym przez jednostki, grupy i zbiorowości ludzkie (społeczna, kulturowa)».

⁴ В оригинале: «Człowiek staje się twórcą przestrzeni, którą zamieszkuje, zagospodarowuje, dzieli, w której odbywa interakcje. Przestrzeń rozpatrujemy zatem jako dzieło i arenę życia człowieka. Ważny jest tu aspekt kulturowy, a więc znaczenia, jakości i wartości, jakie ludzie w różnych kulturach nadają przestrzeni».

являются понятия городского и общественного пространства. Первое из них представляет собой «сложное многоструктурное образование, которое включает в себя комплекс двух основных видов пространств, взаимодействующих друг с другом» (Полухина, 2017, с. 362): 1) *физическое пространство* – сочетание конкретных осязаемых элементов, таких как здания, архитектурные ансамбли, жилые дома, торговые центры, государственные учреждения, промышленные комплексы, тротуары и пешеходные пространства, парки и др.; 2) *социальное пространство* – среда, в которой люди вступают во взаимодействие, становятся социально активными, выстраивают интерперсональные стратегии поведения. В социальном пространстве заключается фактор исторической памяти.

Под «общественным пространством» понимается фрагмент городского пространства, предназначенный для обеспечения прямых контактов между участниками общественной жизни и других социальных потребностей, остающийся физически доступным для всех заинтересованных лиц. Оно является той сферой, в которой жители города вступают в отношения не только с другими людьми, но и «более или менее осознанно воспринимают значения, заложенные в пространстве, что, в свою очередь, влияет на их пространственную и социальную перцепцию»⁵ (Bierwiazzonek, 2018, s. 27–28). Общественное пространство подразделяется на *открытое (otwarte)* и *«пропускное» (dośrodkowe)* (Kowalski, 2012, s. 63), вход в последнее из них возможен после покупки билета или пересечения границы здания, то есть совершения так называемого ритуала перехода. Общественное пространство определяет идентичность города, так как его размещение в локальных условиях и конкретном контексте создает специфические городские структуры, характерные для данного места. Оно связано с историей, культурой и памятью города, что определяет его *genius loci* (Szymańska, 2011, s. 179).

Современная организация городского пространства отвечает основным потребностям ее обитателей, выполняя практические функции: сервисные, промышленные, торговые, жилые и рекреационные, а также культурные, связанные с увековечиванием прошлого (исторические здания, места памяти, памятники и др.), религией (напр., храмами, кладбищами, местами поклонения) и искусством. В то же время оно обеспечивает место для диалога по социально значимым темам через кодифицированные формы.

Город как культурно-коммуникативное пространство образует место столкновения различных мнений, мировоззрений и систем ценностей. В урбанистической среде значительную роль играют надписи, граффити, настенная роспись, рассматриваемые нами как средство передачи полиинтенциональной информации, а также способ коммуникации отдельных лиц и социальных групп⁶. Городские надписи пред-

⁵ В оригинале: «...w sposób mniej lub bardziej świadomy, odczytują znaczenia zakodowane w przestrzeni, które z kolei wpływają na ich identyfikacje przestrzenne i społeczne».

⁶ Городские надписи можно трактовать также как своеобразную площадку для борьбы за контроль или даже абсолютную власть над данной территорией.

ставляют собой семиотически насыщенную форму опосредованной коммуникации (отсутствует прямой контакт с автором высказывания) между субъектами, функционирующими в данном пространстве.

Объектом нашего рассмотрения являются широко понимаемые городские надписи (граффити, объекты стрит-арта, настенные рисунки и тексты) двух близлежащих балтийских городов, сопоставимых по площади и численности населения⁷, но разделенных государственной границей, — Гданьска и Калининграда. Гданьск, расположенный на севере Польши, в Поморском воеводстве, представляет собой культурный, научный и экономический центр с большим торговым портом. Вместе с Сопотом и Гдыней он образует крупную агломерацию, называемую «Труймьясто» («Трёхградье»). Гданьск — это город с более чем тысячелетней историей, идентичность которого на протяжении веков формировалась под влиянием различных культур (в том числе немецкой), считающийся символическим местом начала Второй мировой войны и падения коммунизма в Центральной Европе. Калининград — самый западный областной центр в России, единственный российский анклав, расположенный на исторических рубежах взаимодействия немецкой, польской, литовской, белорусской и русской культур. Это важный морской торговый и военный порт, входящий в шестерку основных центров внутреннего миграционного притяжения в России за последние десятилетия. Город является ядром быстрорастущей Калининградской агломерации с населением свыше 715 тысяч человек.

Таким образом, сходные социокультурные и географические условия, а также исторический фон обоих городов легли в основу выбора их в качестве объектов сопоставительного рассмотрения.

2. Городская надпись, ее семиотическая природа и восприятие

Целью нашего исследования является интерсемиотический анализ городских надписей Гданьска и Калининграда с учетом интертекстуальных и интервизуальных смыслообразующих механизмов.

Обычно под термином *городские надписи* понимается «совокупность инскрипций различного объема, от слова до развернутого текста, размещенных в пределах города на разнообразных поверхностях, выполняющих разные функции» (Дмитриева, Миронова, 2015, с. 75). Эта дефиниция акцентирует исключительно текстовую план выражения, игнорируя его визуальные элементы. Анна Худзик предлагает термин *городская инскрипция*, обозначающий «любое языково-графическое и языково-графическо-образное сообщение, функционирующее в зоне открытого и общедоступного пространства города, то есть в основном на фасадах зданий и сооружений вдоль улиц и вокруг городских пло-

⁷ Гданьск занимает шестое место в Польше по численности населения (около 470 000 жителей) и седьмое место по площади (261,96 км²). В 2019 году в Калининграде зарегистрировано ок. 482 440 жителей на площади 224,7 км².

щадей»⁸ (Chudzik, 2005, s. 9–10). Однако данный термин, не вошедший в широкий обиход в русском языке, также представляется неточным, поскольку латинская лексема *inscriptio*, являющаяся этимоном рассматриваемого понятия, переводится как ‘надписание, надпись’, то есть отсылает к собственно текстовому слою сообщения, к которому нельзя свести семиотический характер рассматриваемых текстов.

Широкая трактовка городских надписей с учетом их графического оформления продиктована механизмами восприятия визуальных элементов человека, определенными совокупностью ряда факторов (внимание, перцептивная установка, знания, личный опыт, экстралингвистический «бэкграунд» и др.).

Гармоничное сочетание текста и графического / иконического компонента образует «третий язык» — вербально-визуальную коммуникацию (Bergström, 2009, s. 222). Семиотический характер текстов, содержащих иконическую часть, иной, чем и собственно вербальных, поскольку «визуальные образы обладают большей сенситивностью, чем устное или письменное слово» (Порозов, 2011, с. 221), представляют фрагменты действительности в ярких образах и позволяют человеку «практически мгновенно воспринимать запрограммированное воздействие (хотя сработать оно может значительно позднее), причем это воздействие является и более глубоким, поскольку визуальные системы влияют не только на интеллект, но и на эмоционально-чувственный базис человека» (Розин, 2006, с. 26). Оба элемента поликодового текста — вербальный и визуальный — обладают разным ритмом, будучи изолированными друг от друга: чтение занимает больше времени, чем восприятие рисунка, которое происходит симульганно и целостно, а не линейно. Если подбор текста и образа гармоничен, сообщение приобретает общий, оптимальный для восприятия ритм: «...текст замедляет и приглушает восприятие изображения, что, в свою очередь, увеличивает скорость прочтения текста» (Bergström, 2009, s. 223).

Таким образом, тексты городского пространства можно трактовать как «многовекторные интертексты» / «wielośladowe interteksty» (Burzyńska, 2006, s. 59). Такое понимание значительно расширяет саму парадигму рассматриваемого текста, соотносимого с понятиями интердискурсивности и мультимодальности (поликодовости), когда письменное слово, изначально выражающее идею текстуальности, является лишь одним из модулов, составляющих структуру анализируемых текстов.

3. Интертекстема и вопросы терминологии

Современная публичная коммуникация характеризуется общей установкой на полифонию, релятивизм, языковую креацию, текстуальность понимается как «поле свободной знаковой игры, движимой мо-

⁸ В оригинале: «...każdy komunikat językowo-graficzny i językowo-graficzno-obrazowy, funkcjonujący na obszarze otwartej i ogólnie dostępnej przestrzeni miasta, czyli głównie na fasadach budynków i konstrukcjach wzdłuż ulic i wokół placów miejskich».

тором диссеминации»⁹ (Kalaga, 2001, s. 217). Согласно Дороте Утрацкой, «культура постмодерна, открытая для процессов постоянной трансконтекстуализации, даже, как сказал бы Делёз, детерриториализации знаков и игры интертекстов, становится совокупностью полисемиотических, гипертекстовых, ризомных и лабиринтных сущностей»¹⁰ (Утрацка, 2018, s. 80). Постмодернистское мировосприятие исследователи характеризуют как мозаичное, а мышление и текстообразование нового типа как «цитатное мышление» (Постмодернизм, 2001) и «цитатное письмо» (Сметанина, 2002, с. 109). «Взрыв интертекстуальности» (Паршин, 2001, с. 84) в современной литературе и массмедиа привел к расширению терминологического аппарата для описания явления «использование текстов внутри текстов» (Землянова, 1999, с. 67), формы которого варьируются в различных видах дискурса.

Интертекстуальность обычно определяется именно как преднамеренное использование чужого текста или его сегмента (Сладкевич, 2013, с. 355), когда автор высказывания «намеренно тематизирует взаимодействие между текстами, делает его видимым для читателя с помощью особых формальных средств» (Чернявская, 2014, с. 83).

В работах, затрагивающих проблематику интертекста, выделяется либо несколько одноуровневых единиц (цитаты, аллюзии, парафразы и др.), либо один тип родовой единицы: «текстовая реминисценция» (Супрун, 1998, с. 142), «интертекстуальная ссылка» (Паршин, 2001, с. 84), «воспроизводимый текст» (Литвин, 2000), «фразема», под которой автор понимает любые структурно-семантические компоненты высказывания, отвечающие требованию «воспроизводимости в данной ситуации» (Chlebda, 1991, s. 25). Отметим, что в ряде позднейших публикаций (Chlebda, 2005a, 2005b, 2010) польский исследователь оперирует термином «репродукт», выделяя в нем главную функциональную особенность описываемого класса единиц — их воспроизводимость с акцентированной прагматической составляющей.

С рассматриваемым явлением интертекстуальности коррелирует близкое понятие прецедентности. Ю.Н. Караулов определяет прецедентные тексты как «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» (Караулов, 1987, с. 216). Несколько позже представители московской лингвистической школы предложили заменить термин «прецедентные тексты» на более объемное понятие «прецедентные феномены», выделив внутри него следующие типы единиц: 1) *прецедентный текст* (регулярно воспроизводимые произведения ху-

⁹ В оригинале: «...pole wolnej gry znakowej poruszanej motorem dyseminacji».

¹⁰ В оригинале: «...ponowoczesna kultura otwarta na procesy ustawicznej transkontekstualizacji, wręcz, jak powiedziałby Deleuze, deterytorializacji znaków i gry intertekstów staje się zbiorem bytów polisemiotycznych, hipertekstowych, łączowatych i labiryntowych».

дожественной литературы, песенные, рекламные, публицистические и политические тексты); 2) *прецедентную ситуацию* (эмоционально коннотируемую и актуализируемую через закрепленную за ней номинацию, напр. *Чернобыль* — атомная катастрофа и ее последствия); 3) *прецедентное имя* (указывающее на «эталонную» совокупность определенных качеств и поступков, напр. *Иуда*, *Обломов* и др.) и 4) *прецедентное высказывание* (необязательно являющееся предикативной единицей, восходящее к паремиям, цитатам из известных произведений, статей, фильмов и политических речей) (Гудков, Красных, Захаренко, Багаева, 1997).

Таким образом, оба термина — интертекстуальность и прецедентность — характеризуют механизмы смыслообразования, связанные с взаимодействием текстов культуры. Н. А. Кузьмина разграничивает данные понятия по критерию их укорененности в культуре, понимая под «интертекстуальностью» транслируемый код культуры, являющейся системой традиционных ценностей материального и духовного характера, а под «прецедентностью» — явление, которое может стать или не стать фактом культуры: «Интертекстуальность соотнесена с эстетической ценностью, культурной значимостью, вневременностью (интертекстуальные знаки — феномены культуры, предполагающей межпоколенную связь), прецедентность — с тем, что происходит сейчас и актуально сегодня, но вовсе не обязательно будет значимо завтра. Интертекстуальные знаки проверены временем и традицией: они существуют в течение жизни нескольких поколений людей в виде некоего культурного кода, существование прецедентных феноменов ограничено временем их рецепции и реинтерпретации» (Кузьмина, 2011). Иначе говоря, прецедентные феномены должны прочно войти в культуру социума, чтобы стать интертекстуальными.

В широком понимании литература, культура, фразематика могут толковаться как единый «интертекст», который служит предтекстом нового текста. В. М. Мокиенко и К. П. Сидоренко ввели в научный оборот понятие интертекстема, определяемой как «межуровневый реляционный (соотносительный) сегмент содержательной структуры текста, вовлеченный в межтекстовые связи» (Сидоренко, 1998, с. 6; Мокиенко, Сидоренко, 1999), категориальными свойствами которой являются: 1) паспортизация текстуальным источником; 2) стереотипизированность и воспроизводимость (не исключая модификаций); 3) способность выступать в качестве строевого элемента текста. В таком понимании интертекстема является содержательно емкой родовой единицей по отношению к цитатам, парафразам, афоризмам и коррелирует с активно изучаемым сегодня явлением *text placement*, понимаемым как инкорпорирование одного текста в другой (Киклевич, 2018, с. 176).

Урбанистический текст представляет собой своеобразную запись сознания его носителей, поскольку в креации рассматриваемого семиотического пространства и процессе смыслообмена участвуют обе стороны — автор и его реципиент: «Текстуальный осмос берет свое начало в универсальном характере диалогичности (диалог с дискурсом, с дру-

гими текстами, с системой культуры, с получателем)»¹¹ (Kalaga, 2001, s. 214). В контексте восприятия транстекстуальных и трансвизуальных механизмов смыслообразования актуализируется проблема интертекстуальной компетенции, то есть предварительного фонового знания адресата, позволяющего идентифицировать фрагменты инкорпорированных в текст других текстов, включаясь в диалог «культурно-детерминированных сознаний» (Гудков, 2003, с. 20). Помимо данной компетенции, адекватное восприятие городской надписи определяют следующие виды пресуппозиций: экстралингвистическая (знания в области науки, культуры, социальных отношений); логическая (представление о естественных отношениях между событиями); лингвистическая (знание особенностей языка, средств, актуальных для выражения и восприятия имплицитной информации).

4. Интертекстуальность как инструмент диалогического пространства «прошлое — настоящее — будущее» в урбанистической наррации

Современный городской пейзаж плавно перетекающих пространств искусства, информационных технологий, рекламы, индивидуального и коллективного, спонтанного и планового «настенного творчества» демонстрирует тенденцию к мимикрии, смысловой мозаике, обыгрыванию культурных и языковых кодов. При этом темпоральную диалогичность городского текста можно понимать по крайней мере двояко: как привлечение в современную коммуникацию знаковых высказываний, текстов, имен, лиц и ситуаций далекого и недавнего прошлого (смыслообразовательные категории интертекстуальности и интервизуальности), а также более узко — как осмысление событий исторического прошлого и его представления в пространстве современного города.

Интертекстуальные отсылки городских надписей можно дифференцировать по способу введения «чужого слова» в конструируемый текст в зависимости от того, «осуществляется ли смыслообразование непосредственно на уровне предиктирования компонента одного текста компоненту другого, или же мы имеем дело с более сложным механизмом, подразумевающим сохранение предикативных отношений текста-донора (модификацию этих отношений) или перенесение предикативных компонентов в текст-реципиент, с последующим установлением новых цепей смыслообразования уже в тексте-реципиенте» (Преображенский, 1989, с. 43). В первом случае следует говорить о текстовой реминисценции, понимаемой как сознательное или бессознательное воспроизведение формальных или содержательных признаков текста-донора, о которых «помнят» автор и реципиент и которое может быть ассоциативно детерминировано (см.: Литературный энциклопедический словарь, 1987, с. 322), или аллюзии, дефинируемой как «намеки на

¹¹ В оригинале: «Tekstowa osmoza ma swe źródło w uniwersalnym charakterze dialogiczności (dialog z dyskursem, z innymi tekstami, z systemem kultury, z odbiorcą)».

реальный политический, исторический или литературный факт, который предполагается общеизвестным» (Там же, с. 20). Второй тип включения интертекстуальной связи — это цитата, то есть дословно воспроизводимый фрагмент прецедентного текста (Там же, с. 492).

Отметим, что доминирующая часть городских надписей носит цитатный характер с отсылкой к первоисточнику, как на белых скамьях, установленных в разных районах Калининграда в 2014 году в рамках акции «101 скамейка» фондом «Европейский город»¹². Скамьи украшены цитатами ключевых для города общественных и культурных деятелей прошлого и настоящего: Иммануила Канта (*Такой город можно признать подходящим местом для расширения знания и человека, и света. Здесь и без путешествия можно приобрести такое знание; Один в луже видит грязь, другой — отражающиеся звезды* (рис. 1)¹³; Дети должны воспитываться не для настоящего, а для будущего); Эрнста Теодора Амадея Гофмана (*Точное чувство меры и есть, вероятно, то, что обычно называют хорошим вкусом*); Евгения Гришковца (*Улыбаться приятно... Еще приятнее смеяться. А хохотать — это же просто удовольствие!*) (рис. 2); Николая Карамзина (*Самая неразрывная дружба есть та, которая начинается в юности*) и др.

Рис. 1

Рис. 2

Помимо дословного воспроизведения санкционированных мэрией фрагментов текстов классиков и более частных, как чеховская цитата у входа в паб «Лондон» (рис. 3), урбанистические инскрипции Калининграда создают диалогическое пространство, в котором реципиент узнает популярные тексты современности. Так, рисунок 4 представляет собой фрагмент стихотворения московского поэта Александра Антипова, чей полупрофиль изображен рядом с цитатой, а реминисценция «Вечность пахнет нефтью» (рис. 5) восходит к песне Егора Летова «Русское поле экспериментов» одноименного альбома группы «Гражданская оборона» 1989 года. Эта мистическая фраза появляется в труде американского философа XX века Уильяма Джеймса, о чем упоминает Бер-

¹² URL: <https://www.klgd.ru/press/news/detail.php?ID=185626>; <https://kgd.ru/news/society/item/46169-obidno-do-uzhasa-o-neeuropejskoj-sudbe-belyh-skameek-v-kaliningrade> (дата обращения: 01.11.2019).

¹³ Подписи к рисункам на с. 105.

тран Рассел в «Истории западной философии». После Летова выражение использовалось Виктором Пелевиным в «Generation P»¹⁴. В некоторых случаях спонтанные городские надписи представляют собой искаженную версию латинских сентенций, напр.: *Panem et mercenses* (рис. 6) — ориг. *Panem et circenses* (лат. 'Хлеба и зрелищ') — возглас, выражавший основные требования римской толпы в эпоху Империи, когда городской плебс мирился с утратой политических прав, удовлетворяясь бесплатной раздачей хлеба и устройством бесплатных цирковых зрелищ).

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

Теоретики интертекстуальности обращают внимание на факт, что междискурсивный смыслообмен «побуждает к созданию общего понятия *перформанса*, которое послужило бы объяснением самообращения не только современных форм искусства, но и всех форм культуры — от телевизионной рекламы до фильма от музыки до прозы»¹⁵ (Hutcheon, 2007, s. 20). В аспекте междискурсивных переходов интересна композиция-шаблон, размещенная в Гданьске вблизи железнодорожной стан-

¹⁴ URL: <https://letov-ru.livejournal.com/302.html> (дата обращения: 01.11.2019).

¹⁵ В оригинале: «...skłania do tworzenia ogólnego pojęcia *performansu*, które służyłoby wyjaśnieniu samozwrotności nie tylko współczesnych form sztuki, ale i wszystkich form kultury — od reklam telewizyjnych po film od muzyki po prozę».

ции SKM Przymorze-Uniwersytet (рис. 7). Граффити представляет собой трафаретный образ Дэвида Боуи — британского рок-певца, мультиинструменталиста, автора песен, продюсера, художника и актера, создавшего собственный узнаваемый стиль. В качестве заголовка к изображению выбрана реминисценция — перифраза слов В.И. Ленина: «Кино — важнейшее из искусств» / «Kino jest najważniejszą ze sztuk» (в оригинале: «Вы должны твердо помнить, что из всех искусств для нас важнейшим является кино» — из воспоминаний А.В. Луначарского о беседе с Лениным в феврале 1922 года, изложенных первым в письме к Болтыанскому, которое было опубликовано в книге: (Болтыанский, 1925, с. 19))¹⁶. Близость корпуса филологического факультета Гданьского университета с отделением культурологии, как представляется, определила синтез столь разных временных и культурных пластов в креации общего смысла сообщения. Отметим, что в последние годы в Гданьске весьма активно развиваются «настенные» формы публичного коммуницирования вблизи культурных и образовательных учреждений. Так, стали известными настенные росписи в подземных переходах вблизи Гданьского университета на улице Вита Ствоша, представляющие университетскую жизнь и актантов, а также, к примеру, граффити 2018 года в подземном переходе неподалеку от Шекспировского театра (рис. 8), отсылающее к цитатам и фигурам «Ромео и Джульетты»¹⁷.

Рис. 7

Рис. 8

Переходя к следующему аспекту, отметим, что городская стена и ее надписи все чаще трактуются не только как разделительный элемент пространства, но и как место соединения дискурсов, пространств и темпоральных осей (Kaznowski, 2018, s. 204), как инструмент фиксации коллективной исторической памяти (Golka, 2009; Kula, 2002; Maciejczak,

¹⁶ Цит. по: Волобуев В. Ленин и кино: достоверность цитаты. [2010]. URL: <https://g-gumbert.livejournal.com/157742.html> (дата обращения: 01.10.2019).

¹⁷ Подробнее см.: URL: <https://gdansk.naszemiasto.pl/nowy-mural-w-przejsciu-podziemnym-w-gdansku-jak-wam-sie/ga/c13-4747843/zd/34294741> (дата обращения: 01.10.2019).

2018; Szpociński, 2014). С одной стороны, мы имеем дело с надписями исторического характера, сохранившимися на стенах жилых домов с советского периода, как на одном из зданий в Гданьской Оливе (текст восходит к распространенному советскому плакату (рис. 9)), а также с памятниками и мемориальными досками в обоих городах.

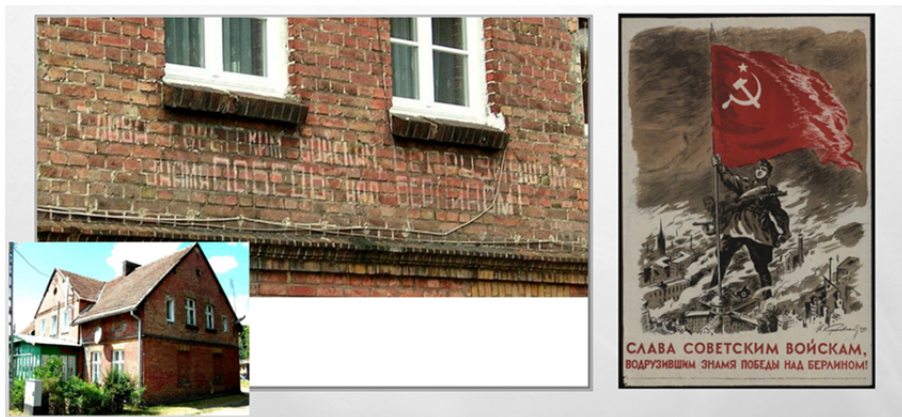

Рис. 9

С другой стороны, особенно интересны индивидуальные и муниципальные инициативы по преобразованию стен городского пространства с целью укрепления локальной идентичности на основе апелляции к историческим мифам. Текстом становится все, что образует значение в результате значимых социальных практик и побуждает трактовать такие тексты не только как полисемиотические репрезентации, но и как репрезентации духовной, социальной и материальной культуры сообщества (Barker, 2005, s. 11; Utracka, 2018, s. 78). В этом плане настенные надписи и граффити весьма показательны, поскольку представляют собой объекты с огромным воздействующим потенциалом — они «бросаются в глаза» и их почти невозможно пропустить¹⁸ (Kaznowski, 2018, s. 209).

В гданьском микрорайоне Заспа на крупных панельных многоквартирных домах, построенных в 1970-х годах и призванных воплотить «воображения об идеальном урбанистическом организме» (Szumiło, 2017, s. 94), можно наблюдать исполинскую наружную галерею настенной росписи. Экспозиция включает около шестидесяти крупномасштабных работ, созданных на боковых панелях высоток. Ее начало было положено в 1997 году, когда в связи с празднованием тысячелетия Гданьска по инициативе Мачея Новака и Рафала Росковиньского был организован Фестиваль монументальной живописи. Тогда мрачная стена здания 33а на улице Дивизиона, 303 была расписана красочными сценами из истории города, представлявшими визит папы римского

¹⁸ В оригинале: «Mural stanowi obiekt o potencjalnie ogromnej sile przekazu, bowiem natarczywie „rzuca się w oczy” i bywa pomijany w niewielkim stopniu».

Иоанна Павла II и деятельность Леха Валенсы (рис. 10). На других зданиях помещены изображения, которые дают получателю большую свободу интерпретации.

Данное мероприятие внесло значительный вклад в популяризацию уличного искусства в Гданьске как наиболее представительной формы художественного выражения и одновременно публичного дискурса. Стена стала местом формирования общественно-политических ценностей. Так, в 2011 году (в Польше — год поэта Чеслава Милоша) в панельном доме на ул. Стартовой, 29е появилось крупномасштабное граффити, представляющее встречу Чеслава Милоша и Леха Валенсы (рис. 11). Основой изображения послужила фотография Януша Кобылинского, документирующего встречу поэта с работниками гданьской судовой верфи¹⁹ в 1981 году. Милош передает Валенсе пистолет, побуждая его тем самым к революционной деятельности. Стоит отметить, что в тексте на гданьском памятнике погибшим работникам судовой верфи (рис. 12) используется цитата из стихотворения Милоша: «Ты, что обидел человека простого / Смехом над болью его разразившись / Не будь спокоен — поэт ведь помнит / Можешь убить его — появится новый / Будет записано дело и слово»²⁰, а также слова 29-го псалма в переводе поэта: «Господь даст силу своему народу / Господь даст своему народу благословение мира»²¹.

Рис. 10

Рис. 11

Рис. 12

Историческая тематика, представленная посредством настенных произведений, призвана популяризировать и закрепить в сознании

¹⁹ Гданьская судовой верфь, место возникновения движения «Солидарность», сыграла важную роль в забастовочной волне 1988 года, инициировавшей трансформацию ПНР в Третью Речь Посполитую.

²⁰ В оригинале: «Który skrzywdził człowieka prostego/ Śmiechem nad jego krzywdą wybuchając/ Nie bądź bezpieczny poeta pamięta/ Możesz go zabić narodzi się nowy/ Spisane będą czyny i rozmowy».

²¹ В оригинале: «Pan da siłę swojemu ludowi / Pan da swojemu ludowi błogosławieństwo pokoju».

членов социума определенным образом коннотированное содержание, вписать его в систему общечеловеческих ценностей, возродить память о событиях, а также усилить значимость конкретного локуса и укрепить идентичность его жителей, проектируя таким образом будущее через отсылку к прошлому. Классическим примером в этом отношении являются широко распространенные в Гданьске инскрипции, посвященные выдающимся личностям прошлого и важным деятелям настоящего: политикам — Л. Валенсе, Я. Качиньскому, П. Глинскому, А. Мацеровичу, Я. Шишко, деятелям искусства — З. Воецкому, спортсменам — З. Пушкажу и др.

Рис. 13

Рис. 14

Рис. 15

Рис. 16

Рис. 17

Рис. 18

Рис. 19

Своеобразным холстом для интервизуального диалога в Гданьске стало здание бывшего хлебозавода на улице Вёсны Людув (Весны Народов), 4. В нем находится Творческий центр WL4, руководитель которого — художник Мариуш Варас — представил инициированную «снизу» серию настенных сатирических изображений политиков в качестве комментария к текущим событиям. Работы получили широкий отклик в региональных и национальных СМИ. Креация образов современных политических субъектов на здании основана на визуальных реминисценциях к отдаленному прошлому. Так, представление Ярослава Качиньского, основателя консервативной партии «Право и справедливость», в тоге времен Древнего Рима имплицитно сродняет в способах правления польского политика и диктатора Юлия Цезаря (рис. 14). Расшифровка значения инскрипции, представляющей министра культуры Петра Глиньского с клафтом — головным убором египетских фараонов (рис. 15), невозможна без учета политического и пространственного контекстов. Здание находится в 150 м от Музея Второй мировой войны, форма которого напоминает пирамиду. Роспись, по словам самого автора, является политическим манифестом и протестом против идеи Глиньского объединить в одно учреждение Музей Второй мировой войны и Музей Вестерплатте²².

События недавнего прошлого являются мощным импульсом в креации городских текстов. Так, изображение головы польского экс-министра окружающей среды Яна Шишко в виде охотничьего трофея с оленьими рогами (рис. 18) является творческим комментарием стрит-артиста к актуальным событиям — разрешению на вырубку деревьев в Беловежской пушке и сокрытию министром в имущественном заявлении оленьих рогов стоимостью 13 тыс. злотых. На изображении из того же цикла министр национальной обороны РП Антоний Мацеревич, одетый в камуфляжную форму, словно играет бумажным самолетом (рис. 16). Надпись «Маленький моделист» / «Mały Modelarz» отсылает реципиента к названию журнала по моделизму, издаваемого Лигой обороны Польши — сообществом, действующим при министерстве. Поликодовый текст можно трактовать как резкий комментарий Вараса к идее создания копии правительственного самолета, разбившегося под Смоленском, для проведения научной экспертизы. Такие детали, как модельный самолет Мацеревича или атомная бомба, которой жонглирует, как цирковой артист, северокорейский лидер Ким Чен Ын, образуют стержень смыслообразования в визуально-вербальных городских практиках.

Заметим при этом, что в силу высокой узнаваемости изображенного субъекта подпись в большинстве случаев отсутствует. Редуцированный вербальный компонент, как правило, в такого рода работах играет факкультативную роль, привнося дополнительные смыслы («Маленький

²² URL: <http://trojmiasto.wyborcza.pl/trojmiasto/1,35612,20045641,minister-glinski-jako-faraon-a-w-tle-piramida-muzeum-ii-ws.html> (дата обращения: 31.07.2019).

моделист» (рис. 16); «Благодарим, Пан Збышек»²³ / «Dzięki Panie Zbyszku» (рис. 17)), играет информативную роль (Здзислав Пушкаж — талантливейший игрок гданьского футбольного клуба «Лехия» в 1980-х годах (рис. 20)) или же акцентирует значимость исторического момента («10 декабря 1983 года Лех Валенса получает Нобелевскую премию мира» (рис. 13)).

Следует упомянуть, что граффити такого типа стали появляться и в Калининграде. Так, в 2018 году по заказу региональных властей стрит-арт-художник Глеб Михайлов нарисовал портрет космонавта Алексея Леонова на стене жилого здания, которое находится на пересечении проспекта Мира и улицы Леонова²⁴. В том же году к Чемпионату мира по футболу в Калининграде на трансформаторных будках появились санкционированные властями города портреты футбольных звезд: Уэйна Руни, Яна Вертонгена, Луки Модрича (рис. 21), Эммануэля Эменике, Льва Яшина, Игоря Акинфеева, Серхио Рамоса и др. Отметим, что данные настенные работы практически мгновенно создали диалогическое коммуникативное пространство: широко обсуждались в соц-сетях, на самих инскрипциях появились тексты горожан и гостей игр²⁵, а капитан сборной Сербии Бранислав Иванович расписался под своим изображением²⁶.

Рис. 20

Рис. 21

²³ Автор инскрипции, известный стрит-артист под псевдонимом Тусе / Tuse, нарисовал портрет Водецкого после его смерти, выразив благодарность певцу за его творчество.

²⁴ URL: <https://www.newkaliningrad.ru/afisha/other/publications/18249384-ne-graffiti-a-stritart-v-kaliningrade-narisovali-portret-kosmonavta-leonova.html> (дата обращения: 01.09.2019).

²⁵ URL: <https://klops.ru/news/2018-07-10/177821-v-kaliningrade-neizvestnye-raspisali-stenu-oskorbleniyami-v-adres-horvatii> (дата обращения: 01.09.2019).

²⁶ URL: <https://klops.ru/news/2018-06-18/176543-na-transformatornyh-budkah-kaliningrada-narisovali-portrety-znamiennykh-futbolistov-foto>; <https://www.newkaliningrad.ru/news/briefs/community/19561233-vlastyam-kaliningrada-ponravilsya-opyt-chm-s-legalnymi-graffiti-na-elektrobudkakh.html>; <https://rg.ru/2018/06/18/reg-szfo/serbskij-futbolist-raspisalsia-na-graffiti-v-kaliningrade.html> (дата обращения: 01.09.2019).

В аспекте креации моделей прошлого городские инскрипции зачастую отражают важные исторические события / движения, положительно зафиксированные в коллективной памяти данного сообщества, особенно те, которые имеют патриотическую ценность. Так, в Польше в последние годы распространилась мода на граффити, представляющие образы солдат польского подполья, причем авторы проектов прежде всего подчеркивают их стойкость в антикоммунистической деятельности. Обычно инициаторами выступают представители радикально настроенных политических кругов, апологизирующие миф так называемых проклятых солдат и не допускающие никаких дискуссий о спорности оценок некоторых деятелей подполья, рассматривая этот миф как форму антисистемного противодействия как в отношении Народной Польши, так и позднее элиты Третьей Польской Республики.

В последнее десятилетие Гданьск также присоединяется к этой форме легитимации в формировании исторической памяти и культуры участников антикоммунистического подполья, сражавшихся против режима за независимость Польши. Интересно, что в случае отражения группового движения в смысловой креации настенного сообщения его авторы могут оперировать лишь одним стержневым символом, ассоциирующимся с их деятельностью. К примеру, в разработке крупномасштабного граффити на 160-метровой стене на улице Словацкого (этот фрагмент получил название *Aleja Żołnierzy Wyklętych*), ставшего данью уважения к героям антикоммунистического подполья, был использован образ волка (рис. 22–24), а источником вдохновения послужил текст стихотворения Збигнева Херберта «Волки» (*Wilki*). Иконическая часть граффити представляет пятерых членов 5-й бригады Вильнюсской армии: командира Зигмунта Шендзележа («Лупашка»), командиров эскадрильи Генриха Величко («Луфа»), Феликса Селмановича («Загончик»), Здзислава Бадоху («Железный») и легендарную медсестру Дануту Седзиковну по прозвищу «Инка», описанных по имени, псевдониму и датам рождения и смерти. Концепт отваги, дикости и бесшабашности передается через образы волков, выходящих из армейского мора на фоне ночного леса. Вербальная часть композиции, помимо описания представленных исторических фигур, включает несколько фрагментов стихотворения «Волки» (рис. 22): «За то что загнаны как звери / в истории о них ни строчки / остался только снег он помнит / густую жёлчь и образ волчий» (перевод Рене Римских, http://samlib.ru/r/rimskij_r/wilki.shtml).

На угловой панели настенной композиции размещена подробная информация о «проклятых солдатах», выполненная в высоком стилистическом регистре (рис. 24). С целью усиления образовательного эффекта данного поликодового сообщения на стене у каждого изображения размещен QR-код, который после сканирования соединяет пользователя телефона с подробным описанием соответствующего персонажа. Графический облик героев подполья не подвергся художественной интерпретации и точно отвечает фотографиям согласно интенции

увековечить в сознании горожан внешний вид «проклятых солдат». Заметим также, что рядом, на ул. Партизан, расположена настенная работа Рафала Росковинского «В честь проклятых солдат» («W hołdzie Żołnierzom Wyklętym»), передающая схожее прагматическое значение, но выполненная в иной колористической и метаграфической тональности (рис. 25).

Рис. 22

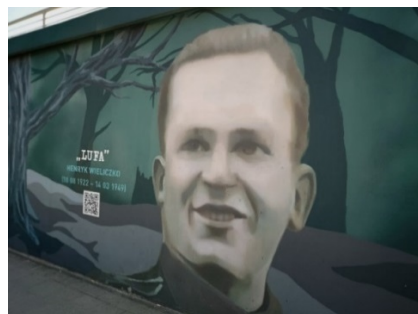

Рис. 23

Рис. 24

Рис. 25

Как видно из этих примеров, определение уличного искусства не герметично, а «открыто для новых реализаций, новых технологий, новых событий» (Niżyńska, 2011, s. 33). Настенная роспись и граффити — независимо от уровня художественного исполнения и мотивации создателя — «внедряются» в живую ткань городского организма, в котором все жители и гости вовлечены в процессы интерпретации и смыслообмена. В качестве базового инструмента конструирования смысла в городских инскрипциях можно отметить интертекстему в широком ее толковании — как намеренное привлечение в текст цитат и реминисценций из известных литературных, музыкальных, кинематографических, пластических произведений, фрагментов политических высказываний, а также распознаваемых визуальных элементов (обликов прецедентных личностей, логотипов партий, государственной и городской символики, характерных мотивов произведений искусства).

Несмотря на то что в близких пространствах Гданьска и Калининграда используются сходные смыслообразовательные механизмы интертекста в городских практиках, нами были отмечены некоторые отличия:

1. Создание обширных городских фресок (*murali miejskich*), отсылающих к прошлому (его героям, политикам, духовным, спортсменам, событиям) за последние два десятилетия стало визитной карточкой Гданьска.

2. Гданьские настенные полотна, представляющие исторические темы, преимущественно основаны на двух типах мотивации. Одним из них является своеобразное «портретирование» прецедентных личностей и исторических событий и увековечивание их в настенном «памятнике», а вторым — стремление использовать историческую память для экспликации ценностей определенного места, благодаря чему оно становится узнаваемым и ассоциируется с конкретной ссылкой на прошлое. Такого рода городские тексты воспринимаются как привлекательная форма патриотического воспитания, способствующая не только «продвижению» данного локуса в стране и за рубежом, но и интеграции местного сообщества и укреплению национальной идентичности.

3. В современной «настенной» текстуализации города и креации его имиджа в Гданьске заметно акцентирование исторических мотивов, а в Калининграде — значимых культурных («101 скамья») и спортивных (Чемпионат мира) оснований смыслообразования.

4. Калининградское общественное пространство, по сравнению с гданьским, менее насыщено сатирическими и политическими инскрипциями.

5. Городской стрит-арт в Калининграде представляет собой прежде всего элемент урбанистического плана, нежели инициативу «снизу» (как в случае творчества польских артистов Вараса или Тусе).

Подводя итоги, заметим, что городскую надпись (роспись) можно определить как символически организованное пространство, в котором интерпретатор имеет дело со знаками различных семиотических систем, и в этом знаковом пространстве ему приходится оперировать культурными смыслами и конвенциями, заданными в словесной и графической форме. Узнаваемость интертекстом в аутентичном и трансформированном виде, заданное ими диалектическое сопряжение противоположностей — постоянства и инновации — усиливает аттрактивность городского текста и его диалогичный характер.

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00442 «Механизмы смыслообразования и текстуализации в нарративных и перформативных дискурсах и практиках») в Балтийском федеральном университете им. И. Канта (Россия).

Список иллюстраций

Рис. 1. Скамья с цитатой Иммануила Канта. Калининград, Центральный парк. URL: <https://davaipogovorim.mirtesen.ru/blog/43637256095/KALININGRAD---39-y-region,-tridevyatoe-tsarstvo%29---3?fbclid=IwAR0iqTNS7SkT3XpU6TaiBi-UeHN0p9IxxqYJFKFlu03WhVbWDT38XYOSQbk> (все ссылки на источники фотографий в Интернете проверены 14.08.2019).

Рис. 2. Скамья с цитатой Евгения Гришковца. Калининград, Голландский сквер. URL: https://www.klgd.ru/press/news/detail.php?ID=185626&phrase_id=190463

Рис. 3. Надпись на доске у входа в один из калининградских пабов *Если человек не курит и не пьет, поневоле думаешь – уж не сволоочь ли он?* (с) А.П. Чехов #лондонпаб39. Калининград. Фото К. Велондек, 2019.

Рис. 4. Надпись на стене. Калининград. Фото К. Велондек, 2019.

Рис. 5. Цитата из песни Е. Летова. Калининград. Фото К. Велондек, 2019.

Рис. 6. Надпись на стене *Papet et mercenses*. Калининград. Фото К. Велондек, 2019.

Рис. 7. Надпись *Кино – важнейшее из искусств*. Гданьск. Фото К. Велондек, 2019.

Рис. 8. Надпись на стене *Засыть хоть всей землею / Деянья темные, их тайный след / Поздней или раньше выступит на свет* (пер. Б. Пастернака). Гданьск. Фото К. Велондек, 2019

Рис. 9. Надпись на стене. Гданьск. URL: <http://www.staraoliwa.pl/historia/item/177-rosyjski-napis-na-ul-kocierskiej-.html>; <http://expositions.nlr.ru/war2/1945.php>

Рис. 10. Гданьская настенная роспись с изображениями Иоанна Павла II и Л. Валенсы. Гданьск. URL: <http://muraledanskzaspa.pl/kolekcja/rafal-roskowinski/>

Рис. 11. Граффити, представляющее встречу Ч. Милоша и Л. Валенсы. Гданьск. URL: <http://muraledanskzaspa.pl/kolekcja/rafal-roskowinski/>

Рис. 12. Гданьский памятник погибшим работникам судоверфи с цитатой из стихотворения Милоша. URL: <https://gzdiz.gda.pl/mapa/pomnik-poleglych-stoczniowcow,0,7>

Рис. 13. Настенная роспись с изображением Л. Валенсы. Гданьск. URL: [https://pl.m.wikipedia.org/wiki/Plik:Gda%C5%84sk_ulica_Pilot%C3%B3w_17_\(mural_Lech_Wa%C5%82%C4%99a\).JPG](https://pl.m.wikipedia.org/wiki/Plik:Gda%C5%84sk_ulica_Pilot%C3%B3w_17_(mural_Lech_Wa%C5%82%C4%99a).JPG)

Рис. 14. Сатирическое изображение Я. Качиньского. Гданьск. URL: <https://i.ytimg.com/vi/2Rg0wsHX3kA/maxresdefault.jpg>

Рис. 15. Настенная роспись, представляющая П. Глинского. Гданьск. URL: <https://trojmiasto.onet.pl/nietypowy-mural-w-gdansku-wicepremier-piotr-glinski-przedstawiony-jako-faraon/88z5ec>

Рис. 16. Изображение А. Мацеревича. Гданьск. URL: <https://polskatimes.pl/mural-z-antonim-macierewiczem-na-scianie-pracowni-w-gdansku-zdjecia/ga/12708756/zd/26436202>

Рис. 17. Портрет певца З. Водецкого. Гданьск. URL: <https://demotywatory.pl/4876178/Piekny-mural-upamietniajacy-Zbigniewa-Wodeckiego>

Рис. 18. Я. Шишко в виде охотничьего трофея. Гданьск. URL: <https://gdansk.naszemiasto.pl/minister-szyszko-na-muralu-w-gdansku-zastapil-ministra/ar/c1-3807542>

Рис. 19. Изображение Ким Чен Ына. Гданьск. URL: <https://vocal.media/theSwamp/17-amazing-examples-of-street-art-trolling-kim-jong-un>

Рис. 20. Настенная роспись, посвященная польскому футбольному игроку З. Пушкажу. Гданьск. Фото Ж. Сладкевич, 2019.

Рис. 21. Изображение Л. Модрича на трансформаторной будке. Калининград. URL: <https://www.newkaliningrad.ru/news/briefs/community/19561233-vlastyam-kaliningrada-ponravilsya-opyt-chm-s-legalnymi-graffiti-na-elektrobudkakh.html>

Рис. 22. Настенная роспись с фрагментом стихотворения «Волки». Гданьск. Фото Ж. Сладкевич, 2019.

Рис. 23. Хенрик Величко – один из «проклятых солдат». Гданьск. Фото Ж. Сладкевич, 2019.

Рис. 24. Подробная информация о «проклятых солдатах». URL: <http://racibostronazen.pl/index.php?tags/124-murale/start-30>

Рис. 25. Настенная работа Р. Росковинского в Гданьске. URL: <https://gdansk.naszemiasto.pl/gdansk-konkurs-na-mural-pn-zolnierze-niezlomni-na-pomorzu/ar/c1-3636680>

Список литературы

Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцева. М., 1990. С. 136–137.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.

Болтынский Г.М. Ленин и кино. М.; Л., 1925.

Глазычев В.Л. Урбанистика. М., 2008.

Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003.

Гудков Д.Б., Красных В.В., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 1997. №4. С. 106–117.

Дмитриева О.А., Миронова О.С. Лингвокультурная специфика городских надписей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. №12-1 (54). С. 74–76.

Зарубина А.Б. Урбанистический дискурс в аспекте мультидисциплинарной дискурсологической практики как драйвер позитивных изменений городской коммуникативной среды // Филологический аспект. 2018. №11 (43). С. 172–181.

Землянова Л.М. Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества: толковый словарь терминов и концепций. М., 1999.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Киклевич А. «Обработать напильником...». Анализ одного прецедентного текста // Przegląd Rusycystyczny. 2018. №4 (164). С. 175–198.

Кузьмина Н.А. Интертекстуальность и прецедентность как базовые когнитивные категории медиадискурса // Медиаскоп. 2011. №1. URL: <http://www.mediascope.ru/node/755> (дата обращения: 31.07.2019).

Литвин Ф.А. Воспроизводимые тексты как средство речевого воздействия // Речевое воздействие / под ред. О.В. Высочина [и др.]. Воронеж; М., 2000. С. 58–59.

Литературный энциклопедический словарь / под ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М., 1987.

Мокленко В.М., Сидоренко К.П. Словарь крылатых слов и выражений Пушкина. СПб., 1999.

Паршин П.Б. Типы, функции и источники интертекста в массовой коммуникации // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования / под ред. М.Н. Володина, М.Л. Ремнева. М., 2001. С. 84–85.

Полухина К.С. О сущности понятия «городское пространство» // Научный альманах. 2017. №2-2 (28). С. 361–362.

Порозов Р.Ю. Визуальное как доминанта современной культуры // Политическая лингвистика. 2011. №2 (36). С. 219–221.

Постмодернизм. Словарь терминов / под ред. И.П. Ильина. М., 2001. URL: <https://postmodernism.academic.ru> (дата обращения: 31.07.2019).

Преображенский С.Ю. К типологии межтекстовых отношений: аллюзия и цитата // Русская альтернативная поэзия XX века. М., 1989. С. 43–47.

Розин В.М. Визуальная культура и восприятие. Как человек видит и воспринимает мир. М., 2006.

Сидоренко К.П. Цитаты из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина в текстах разного жанра. СПб., 1998.

Сладкевич Ж.Р. Политический фельетон в свете теории речевого воздействия. Gdańsk, 2013.

Сладкевич Ж.Р. Медиаобраз Сан-Эскобара в пространстве вымышленных миров: социосемиотический ракурс // Слово.ру: балтийский акцент. 2019. №2. С. 73–103. doi: 10.5922/2225-5346-2019-2-7.

Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века). СПб., 2002.

Супрун А.Е. Реминисценции в газетных текстах // Методология исследования политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов / под ред. И.Ф. Ухванова-Шмыгова. Минск, 1998. Вып. 1. С. 142–149.

Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М., 2014.

Barker Ch. *Studia kulturowe. Teoria i praktyka*, Kraków, 2005.

Bergström B. *Komunikacja wizualna*. Warszawa, 2009.

Bierwiaczonek K. Miejskie przestrzenie publiczne i ich społeczne znaczenia – próba systematyzacji // *Przegląd Socjologiczny*. 2018. T. 67, №1. S. 25–48.

Burzyńska A. Kulturowy zwrot teorii // *Kulturowa teoria literatury. Główne pojęcia i problemy* / pod red. M. Markowskiego, R. Nycza. Kraków, 2006. S. 41–91.

Chlebda W. *Elementy frazeatyki. Wprowadzenie do frazeologii nadawcy*. Opole, 1991.

Chlebda W. (red.) *Na tropach reproduktów. W poszukiwaniu wielowyrazowych jednostek języka*. Opole, 2010.

Chlebda W. *Szkice o skrzydlatych słowach: interpretacje lingwistyczne*. Opole, 2005a.

Chlebda W. *Reprodukty na warsztacie (1)* // *Na tropach reproduktów. W poszukiwaniu wielowyrazowych jednostek języka* / pod red. W. Chlebdy. Opole, 2005b. S. 7–14.

Chudzik A. *Inskrypcje w przestrzeni miejskiej: studium pragmatyngwistyczne: (na przykładzie napisów krakowskich z lat 2003–2005)*. Kraków, 2005.

Cobel-Tokarska M. *Przestrzeń społeczna: świat – dom – miasto* // *Krótkie wykłady z socjologii. Przegląd problemów i metod* / pod red. A. Firkowskiej-Mankiewicz, T. Kanash, E. Tarkowskiej. Warszawa, 2011. S. 45–62.

Fairclough N. *Critical Discourse Analysis: the Critical Study of Language*. L., 1995.

Golka M. *Pamięć społeczna i jej implanty*. Warszaw, 2009.

Hutcheon L. *Teoria parodii. Lekcja sztuki XX wieku*. Kraków, 2007.

Jałowiecki B. *Encyklopedia socjologii*. Warszawa, 2000. T. 3.

Kalaga W. *Mgławice dyskursu. Podmiot, tekst, interpretacja*. Kraków, 2001.

Kaznowski M. *Mur(al)owe podwoje do przeszłości – murale jako nośniki kultury historycznej na przykładzie wybranych prac w południowo-wschodniej Polsce* // *Zeszyty Naukowe Towarzystwa Doktorantów UJ. Nauki Społeczne*. 2018. №23 (4). S. 203–245.

Kowalski Ł. *Narzędzie badania przestrzeni publicznej małych miast na przykładzie Skawiny* // *Człowiek, społeczeństwo, przestrzeń*. 2012. Vol. 2. S. 61–83.

Kula M. *Nośniki pamięci historycznej*. Warszawa, 2002.

Maciejczak Z. *Murale jako nośniki pamięci w przestrzeni miejskiej. Studium przypadku warszawskiego osiedla Muranów*. URL: <http://www.otwarta.org/wp-content/uploads/2016/06/Esej-ZM.pdf> (data обращения: 11.07.2019).

Niżyńska A. *Street art jako alternatywna forma debaty publicznej w przestrzeni miejskiej*. Warszawa, 2011.

Szalewska K. *Urbanalia: miasto i jego teksty: humanistyczne studia miejskie*. Gdańsk, 2017.

Szpociński A. *Nośniki pamięci, miejsca pamięci* // *Sensus Historiae*. 2014. T. 17, №4. S. 17–26.

Szumilo M. Murale w gdańskiej przestrzeni miejskiej // Człowiek i miasto. Gdańszczanie między starą a nową tożsamością / pod red. Z. Dymarskiego. Gdańsk, 2017. S. 85–102.

Szymańska W. Percepcja i użytkowanie przestrzeni publicznej w średnim mieście // Człowiek w przestrzeni publicznej miasta, XXIV Konwersatorium Wiedzy o Mieście. 2011. № 15. S. 179–190.

Utracka D. Parodie transmedialne. Tekst kultury jako kod nomadyczny // Nomadyzm i nomadologia: rozważania i analizy / pod red. A. Kiklewicza, A. Dudziaka. Olsztyn, 2018. S. 77–101.

Wang W., Liu W. Critical Discourse Analysis of New Reports on China's Bullet-Train Crash // Studies in Literature and Language. 2015. Vol. 10, №2. P. 1–8.

Об авторах

Жанна Ромуальдовна Сладкевич, доктор филологических наук, профессор, директор Института русистики и востоковедения, зав. кафедрой прагматики коммуникации и дидактики русского языка, Гданьский университет, Польша; исследователь, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: filzs@ug.edu.pl

Каролина Велондек, магистр гуманитарных наук, ассистент кафедры прагматики коммуникации и лингводидактики Института русистики и востоковедения, Гданьский университет, Польша.

E-mail: karolina.wieladek@ug.edu.pl

Для цитирования:

Сладкевич Ж. Р., Велондек К. Интертекстема как инструмент в диалогическом пространстве «прошлое – настоящее – будущее» в урбанистических практиках (интерсемиотический анализ городских надписей Гданьска и Калининграда) // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, №1. С. 108–133. doi: 10.5922/2225-5346-2020-1-4.

THE INTERTEXTEME AS AN INSTRUMENT IN THE PAST – PRESENT – FUTURE DIALOGIC SPACE OF URBANISM PRACTICES: AN INTERSEMIOTIC ANALYSIS OF GRAFFITI AND INSCRIPTIONS IN GDANSK AND KALININGRAD

Ż. R. Sładkiewicz^{1, 2}

K. Wieladek¹

¹University of Gdańsk

ul. Wita Stwosza 51, 80-309 Gdańsk, Poland

²Immanuel Kant Baltic Federal University

14 A. Nevskogo St, Kaliningrad, 236016, Russia

Submitted on August 15, 2019

10.5922/2225-5346-2020-1-4

This paper discusses intertextual and intervisual tools for creating the past – present – future dialogic axis in urban practices, using the example of graffiti and inscriptions in Gdansk and Kaliningrad. The authors describe the urban space as an object of research, give a

definition of the urban inscription, characterize the semiotic nature of the latter, consider terminology problems relating to the category of intertextuality, and broadly interpret the intertexteme as a tool in the 'past – present – future' dialogical space in the urban narrative. The study relies on rich empirical material. In summing up the features of semantic formation in the narrative urban practices, the authors conclude that the urban inscription is a symbolically organized space in which the interpreter deals with signs of various semiotic systems and employs cultural meanings and conventions expressed in both verbal and graphic forms. The recognizability of intertextemes in both authentic and modified forms contributes to the attractiveness of the urban text and its dialogical nature.

Keywords: intertextuality, urban inscriptions, graffiti, timeline, urban space.

References

- Arutyunova, N.D., 1990. Diskurs. In: V.N. Yartsev, ed. *Linguisticheskiiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedia]. Moscow. pp. 136–137 (in Russ.).
- Bakhtin, M.M., 1986. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow (in Russ.).
- Boltyanskii, G.M., 1925. *Lenin i kino* [Lenin and cinema]. Moscow. Leningrad (in Russ.).
- Glazychev, V.L., 2008. *Urbanistika* [Urban Studies]. Moscow (in Russ.).
- Gudkov, D.B., 2003. *Teoriya i praktika mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Theory and practice of intercultural communication]. Moscow (in Russ.).
- Gudkov, D.B., Krasnykh, V.V., Zakharenko, I.V. and Bagaeva, D.V., 1997. Cognitive base and precedent phenomena in the system of other units and in communication. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 9. Philology], 4, pp. 106–117 (in Russ.).
- Dmitrieva, O.A. and Mironova, O.S., 2015. Linguocultural specificity of urban inscriptions. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice], 12-1 (54), pp. 74–76 (in Russ.).
- Zarubina, A.B., 2018. Urban discourse in the aspect of multidisciplinary discourse practice as a driver of positive changes in the urban communicative environment. *Filologicheskiiy aspekt* [Philological Aspect], 11 (43), pp. 172–181 (in Russ.).
- Zemlyanova, L.M., 1999. *Zarubezhnaya kommunikativistika v preddverii informatsionnogo obshchestva: tolkovyi slovar' terminov i kontseptsii* [Foreign communication science on the eve of the information society: explanatory dictionary of terms and concepts]. Moscow (in Russ.).
- Karaulov, Yu.N., 1987. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moscow (in Russ.).
- Kiklevich, A., 2018. "Obrabotat' napil'nikom...". Analysis of use one case text. *Russkoye obozreniye* [Russian Studies Review], 4 (164), pp. 175–198 (in Russ.).
- Kuzmina, N.A., 2011. Intertextuality and precedence as basic cognitive categories of media discourse. *Mediascope* [MediaScope]. Available at: <http://www.mediascope.ru/node/755> [Accessed July 31, 2019] (in Russ.).
- Litvin, F.A., 2000. Reproducible Texts as a Means of Speech Impact. In: O.V. Vysochina, ed. *Rechevoye vozdeystviye* [Speech Impact]. Voronezh—Moscow. pp. 58–59 (in Russ.).
- Kozhevnikova, V.M. and Nikolaev, P.A., eds., 1987. *Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Literary Dictionary]. Moscow (in Russ.).
- Mokienko, V.M. and Sidorenko, K.P., 1999. *Slovar' krylatykh slov i vyrazheniy Pushkina*. [Dictionary of winged words and expressions of Pushkin]. St. Petersburg (in Russ.).

Parshin, P. B., 2001. Types, functions and sources of intertext in mass communication. In: M. N. Volodina and M. L. Remneva, eds. *Yazyk sredstv massovoy informatsii kak ob"yekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya* [Language of the media as an object of interdisciplinary research]. Moscow. pp. 84–85 (in Russ.).

Polukhina, K. S., 2017. On the essence of the concept of "urban space". *Nauchnyy al'manakh* [Scientific almanac], 2–2 (28), pp. 361–362 (in Russ.).

Porozov, R. Yu., 2011. Visual as the dominant of modern culture. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2 (36), pp. 219–221 (in Russ.).

Ilyin, I. P., ed. *Postmodernizm. Slovar' terminov* [Postmodernism. Glossary of Terms]. Available at: <https://postmodernism.academic.ru> [Accessed: July 31, 2019] (in Russ.).

Preobrazhensky, S. Yu., 1989. On the typology of intertextual relations: allusion and citation. In: S. Yu. Preobrazhensky, ed. *Russkaya al'ternativnaya poeziya XX veka* [Russian alternative poetry of the XX century]. Moscow. pp. 43–47 (in Russ.).

Rozin, V. M., 2006. *Vizual'naya kul'tura i vospriyatiye. Kak chelovek vidit i vospriimayet mir* [Visual culture and perception. How a person sees and perceives the world]. Moscow. (in Russ.).

Sidorenko, K. P., 1998. *Tsitaty iz «Yevgeniya Onegina» A. S. Pushkina v tekstakh raznogo zhanra* [Quotes from "Eugene Onegin" A. S. Pushkin in texts of various genres]. St. Petersburg (in Russ.).

Sladkevich, J. R., 2013. *Politicheskyy fel'yeton v svete teorii rechevogo vozdeystviya* [Political feuilleton in the light of the theory of speech influence]. Gdańsk (in Russ.).

Sladkevich, J. R., 2019. Media image of San Escobar in the space of fictional worlds: a sociosemiotic perspective. *Slovo. ru: baltic accent*, 2, pp. 73–103 (in Russ.).

Smetanina, S. I., 2002. *Media-tekst v sisteme kul'tury (dinamicheskie protsessy v yazyke i stile zhurnalistiki kontsa XX veka)* [Media text in the cultural system (dynamic processes in the language and style of journalism at the end of the 20th century)]. Saint-Petersburg (in Russ.).

Suprun, A. E., 1998. Reminiscences in newspaper texts. In: I. F. Ukhvanova-Shmygova, ed., *Metodologiya issledovaniy politicheskogo diskursa: aktual'nyye problemy soderezhatel'nogo analiza obshchestvenno-politicheskikh tekstov* [Methodology for the study of political discourse: actual problems of a meaningful analysis of socio-political texts]. Minsk. Vol. 1. pp. 142–149 (in Russ.).

Chernyavskaya, V. E., 2014. *Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa* [Linguistics of the text. Linguistics discourse]. Moscow (in Russ.).

Barker, Ch., 2005. *Studia kulturowe. Teoria i praktyka*. Krakow.

Bergström, B., 2009. *Komunikacja wizualna*. Warsaw.

Bierwiazczonek, K., 2018. Miejskie przestrzenie publiczne i ich społeczne znaczenia – próba systematyzacji. *Przegląd Socjologiczny*, 67 (1), pp. 25–48.

Burzyńska, A., 2006. Kulturowy zwrot teorii. In: M. Markowski and R. Nycz., eds. *Kulturowa teoria literatury. Główne pojęcia i problemy*. Krakow. pp. 41–91.

Chlebda, W., 1991. *Elementy frazematyki. Wprowadzenie do frazeologii nadawcy*. Opole.

Chlebda, W., ed., 2010. *Na tropach reproduktów. W poszukiwaniu wielowyzrazowych jednostek języka*. Opole.

Chlebda, W., 2005. *Szkice o skrzydlatych słowach: interpretacje lingwistyczne*. Opole.

Chlebda, W., 2005. Reprodukty na warsztacie (1). In: W. Chlebda, ed. *Na tropach reproduktów. W poszukiwaniu wielowyzrazowych jednostek języka*. Opole. pp. 7–14.

Chudzik, A., 2005. *Inskrypcje w przestrzeni miejskiej: studium pragmalingwistyczne: (na przykładzie napisów krakowskich z lat 2003–2005)*. Krakow.

Cobel-Tokarska, M., 2011. Przestrzeń społeczna: świat – dom – miasto. In: A. Firakowska-Mankiewicz, T. Kanash and E. Tarkowska, eds. *Krótkie wykłady z socjologii. Przegląd problemów i metod*. Warsaw. pp. 45–62.

Fairclough, N., 1995. *Critical Discourse Analysis: the Critical Study of Language*. London.

- Golka, M., 2009. *Pamięć społeczna i jej implanty*. Warsaw.
- Hutcheon, L., 2007. *Teoria parodii. Lekcja sztuki XX wieku*. Krakow.
- Jalowiecki, B., 2000. *Encyklopedia socjologii*. Vol. 3. Warsaw.
- Kalaga, W., 2001. *Mgławice dyskursu. Podmiot, tekst, interpretacja*. Krakow.
- Kaznowski, M., 2018. Mur(al)owe podwoje do przeszłości – murale jako nośniki kultury historycznej na przykładzie wybranych prac w południowo-wschodniej Polsce. *Zeszyty Naukowe Towarzystwa Doktorantów UJ. Nauki Społeczne*, 23(4), pp. 203–245.
- Kowalski, Ł., 2012. Narzędzie badania przestrzeni publicznej małych miast na przykładzie Skawiny. *Człowiek, społeczeństwo, przestrzeń*, 2, pp. 61–83.
- Kula, M., 2002. *Nośniki pamięci historycznej*. Warsaw.
- Maciejczak, Z., *Murale jako nośniki pamięci w przestrzeni miejskiej. Studium przypadku warszawskiego osiedla Muranów*. Available at: <http://www.otwarta.org/wp-content/uploads/2016/06/Esej-ZM.pdf> [Accessed 11 July 2019].
- Niżyńska, A., 2011. *Street art jako alternatywna forma debaty publicznej w przestrzeni miejskiej*. Warsaw.
- Szalewska, K., 2017. *Urbanalia: miasto i jego teksty: humanistyczne studia miejskie*. Gdansk.
- Szpociński, A., 2014. Nośniki pamięci, miejsca pamięci. *Sensus Historiae*, 17 (4), pp. 17–26.
- Szumiło, M., 2017. Murale w gdańskiej przestrzeni miejskiej. In: Z. Dymarski, ed. *Człowiek i miasto. Gdańszczanie między starą a nową tożsamością*. Gdansk. pp. 85–102.
- Szymańska, W., 2011. Percepcja i użytkowanie przestrzeni publicznej w średnim mieście. *Człowiek w przestrzeni publicznej miasta, XXIV Konwersatorium Wiedzy o Mieście*, 15, pp. 179–190.
- Utracka, D., 2018. Parodie transmedialne. Tekst kultury jako kod nomadyczny. In: A. Kiklewicz and A. Dudziak, eds. *Nomadyzm i nomadologia: rozważania i analizy*. Olsztyn. pp. 77–101.
- Wang, W. and Liu, W., 2015. Critical Discourse Analysis of New Reports on China's Bullet-Train Crash. *Studies in Literature and Language*, 10 (2), pp. 1–8.

The authors

Dr Zhanna R. Sladkevich, Professor, Director of the Institute of Russian and Oriental Studies, Head of the Department of Pragmatics of Communication and Russian Language Didactics, University of Gdansk, Poland; Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: filzs@ug.edu.pl

Karolina Wieladek, Master of Arts, Research and Teaching Assistant, Department of Pragmatics of Communication and Language Acquisition, Institute of Russian and Eastern Studies, University of Gdansk, Poland.

E-mail: karolina.wieladek@ug

To cite this article:

Śladkiewicz, Ż.R., Wieladek, K. 2020, The intertexteme as an instrument in the past-present-future dialogical space of urbanism practices: an intersemiotic analysis of graffiti and inscriptions in Gdansk and Kaliningrad, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 11, no. 1, p. 108–133. doi: 10.5922/2225-5346-2020-1-4.